

ЭМИЛЬ
ГАБОРИО

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
В ОРСИВАЛЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
Г12

Серия «Классический детектив»

Перевод с французского *Е. Баевской, Л. Цывьяна*

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Половцева*

Г12 Габорио, Эмиль.
Преступление в Орсивале : [роман] / Эмиль Габорио ; [перевод с французского Е. Баевской, Л. Цывьяна]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 352 с. — (Классический детектив).

ISBN 978-5-17-162722-5

На берегу Сены в деревушке Орсиваль найден труп графини де Треморель. Поначалу подозрение падает на браконьеров, нашедших тело, и садовника Гепена с темным прошлым. Но вскоре следствие заходит в тупик, и тогда из Парижа прибывает знаменитый сыщик Лекок, мастер перевоплощений, в котором парадоксально сочетаются артистизм и холодный аналитический ум. Там, где другие видят очевидные улики, Лекок замечает идеальную инсценировку. Он понимает: изощренный преступник намеренно водит следствие за нос. Чтобы сорвать с убийцы маску, сыщику придется раскопать самые грязные и пугающие тайны аристократического семейства, где у каждого — от слуги до близкого друга — есть свой скелет в шкафу...

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-162722-5

© Перевод. Е. Баевская, 2024
© Перевод. Л. Цывьян, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2026

В четверг 9 июля 186... года Жан Берто по прозвищу Подшофе и его сын, известные всему Орсивалю браконьеры и огородные воры, поднялись с зарей, в три утра, и отправились на рыбную ловлю. Нагруженные снастями, они шли по живописной, обсаженной акациями дороге, что спускается от Орсиваля к Сене и прекрасно видна со станции Эври.

Они направлялись к своей лодке, причаленной, как обычно, метрах в пятидесяти выше железнодорожного моста у низкого лугового берега по соседству с «Тенистым долом», прелестным поместьем графа де Тремореля.

На берегу они сбросили снасти на землю, и Жан Подшофе полез в лодку вычерпать воду. Орудую черпаком, он обнаружил, что одна из уключин их дряхлой посуды дышит на ладан.

— Филипп! — крикнул Подшофе сыну, распутывающему сеть вентера, ячейки которой любой речной сторож счел бы непозволительно мелкими. — Филипп! Принеси какую-нибудь палку сделать уключину.

— Сейчас, — ответил Филипп.

Но на лугу деревья не растут. Посему Филипп отправился в парк поместья, находящийся буквально в нескольких шагах, и, не обращая внимания на статью 391 Уголовного кодекса, перебрался через довольно широкую канаву, окружающую владения графа. Он собрался срезать сук с одной из старых плакучих ив, купающих свои ветви в речных струях. Воровато оглянувшись, он вытащил из кармана нож и вдруг истошно закричал:

— Отец! Отец!

— Ну чего тебе? — не чуя беды, поинтересовался старый браконьер.

— Иди сюда! Ради бога, скорей сюда!

По изменившемуся голосу сына Жан Подшофе понял, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Подгоняемый тревогой, он бросил черпак и ринулся в парк.

То, что он увидел, испугало его не меньше, чем Филиппа.

На берегу в зарослях ирисов и тростника был распростерт труп женщины. Ее длинные распущенные волосы запутались среди водяных растений; серое шелковое платье, превратившееся в лохмотья, было в грязи и пятнах крови. Ногами она лежала на берегу, а лицом в воде — уткнувшись в ил.

— Убийство, — пробормотал Филипп, и голос его дрогнул.

— Да уж точно, — равнодушно отозвался Подшофе. — Интересно, кто она? Вроде смахивает на графиню.

— Пошли глянем, — предложил юноша и уже шагнул было к трупу, но отец схватил его за руку.

— Ты что, спятил? Нельзя прикасаться к телу убитого до прихода властей.

— Тогда пошли скажем мэру.

— Чего ради? Здешние и так нас не больно жалуют. А вдруг они решат свалить это на нас?

— Все равно, отец...

— Ха! Если мы сообщим господину Куртуа, он тут же заинтересуется, как мы оказались в графском парке. Ну, убили графиню — тебе-то что до этого? Найдут ее труп и без нас. Пошли отсюда.

— Нет, надо сообщить, — после недолгого раздумья отрезал Филипп. — Мы же люди, не дикари какие-нибудь. А господину Куртуа скажем, что труп мы заметили, проплывая на нашей посудине мимо парка.

Подшофе поначалу противился, но, видя, что сын готов идти и без него, сдался.

Они вновь перебрались через ров и, бросив снасти на берегу, скорым шагом отправились к дому орсивальского мэра.

Орсиваль, расположенный на правом берегу Сены в пяти километрах от Корбейля и в двадцати минутах ходьбы от железнодорожной станции Эври, — одна из самых прелестных деревушек в окрестностях Парижа.

Парижане, которые шумными, хищными толпами налетают, подобно саранче, на соседние селения, пока еще не

открыли ее для себя. Кабачки не заглушили еще тошнотворными кухонными запахами аромат жимолости. Песни горожан, катающихся в лодках, ритуурнели корнет-а-пистонов на танцах здесь еще не спутнули эхо.

Белые домики в ласковой тени деревьев и церковь с новенькой колокольной, предметом гордости орсивальцев, уютно расположились на склоне холма, подножие которого омывает Сена.

Со всех сторон деревню окружают большие загородные имения, содержание которых стоит немалых денег. Сверху можно увидеть флюгера замков — их там десятка два.

Справа находится лес Мопревуар и очаровательный крохотный замок графини де ла Бреш; напротив, на том берегу реки, бывшее имение Агуадо*, ныне принадлежащее знаменитому каретнику г-ну Биндеру; вон те высокие деревья — поместье графа де Тремореля; это — обширный парк д'Этиолей; там внизу — Корбейль, а вон то огромное здание, крыша которого выглядывает из-за столетних дубов, — мельница Дарбле.

Мэр Орсиваля жил на самой вершине холма в одном из тех домов, какие могут присниться разве что в сладостном сне о сотысячной ренте.

В прошлом фабрикант-текстильщик, г-н Куртуа начинал свою коммерческую карьеру без гроша в кармане, но после тридцати лет упорных трудов завершил ее с состоянием в кругленькую сумму четыре миллиона. И тогда он решил зажить спокойной жизнью в кругу жены и дочерей, зиму проводить в Париже, а лето на лоне природы.

Однако внезапно жизнь его стала бурной и беспокойной. А все дело в том, что в сердце у него завелся червь тщеславия. Г-н Куртуа приложил массу усилий, чтобы его попросили стать мэром Орсиваля. И когда его попросили, он согласился — против воли, как он будет вас уверять.

* Агуадо, Александр (1784–1842) — банкир, коллекционер произведений искусства и натуралист. (Здесь и далее знаком * помечены примечания переводчиков.)

Пост мэра — предмет его отчаяния и блаженства одновременно. Отчаяния — показного, блаженства — подлинного и таимого в глубинах души.

О, г-н Куртуа прекрасен, когда с нахмуренным челом клянет тяготы власти, но еще прекрасней он, когда, опоясанный шарфом с золотыми кистями, торжественно выступает во главе муниципалитета!

В доме мэра все еще спали, когда отец и сын Берто принялись колотить тяжелым молотком в двери. Прошло довольно много времени, прежде чем в одно из окон первого этажа выглянул полуодетый и полусонный слуга.

— Вы что, негодяи, взбесились? — разгневанно спросил он.

Подшофе предпочел не заметить оскорбления, кстати, вполне соответствующего репутации, которая закрепилась за ним и его сыном среди жителей коммуны.

— Господин Батист, нам нужно срочно поговорить с мэром. Разбудите его, он не станет вас бранить.

— Чтобы меня когда-нибудь бранили? — возмутился слуга.

Потревожить хозяина Батист решил лишь после десятиминутных препирательств и разъяснений.

Наконец оба Берто предстали перед кругленьким, багроволицым г-ном Куртуа, который был крайне недоволен тем, что его вытащили из постели в такую рань.

— Господин мэр, — начал Филипп, — мы пришли сообщить о большой беде. Мы уверены, что в поместье графа де Тремореля совершено преступление.

Г-н Куртуа, друживший с графом, от такого известия побледнел, как полотно.

— О боже! — не владея собой, пробормотал он. — Что вы несете, какое преступление?

— Мы только что своими глазами видели убитую женщину, и похоже, это графиня.

Почтенный мэр в полном замешательстве воздел руки к небу.

— Где? Когда?

— Только что в парке у реки. Мы плыли вдоль берега, хотели проверить верши.

— Какой ужас! — бормотал г-н Куртуа. — Какое несчастье! Превосходнейшая женщина! Нет, это невозможно, вы ошиблись, меня бы известили...

— Да мы точно видели, господин мэр.

— У меня в коммуне такое преступление! Но вы правильно сделали, что пришли. Я мигом оденусь, и мы поспешим... То есть нет, погодите. — И после минутного размышления г-н мэр крикнул: — Батист!

Слуга был неподалеку. Приникая то ухом, то глазом к за-мочной скважине, он с упоением подслушивал и подглядывал. Едва раздался зов хозяина, он тут же распахнул дверь.

— Беги к мировому судье, — приказал мэр, — нельзя терять ни секунды. Речь идет о преступлении, может быть, даже об убийстве, так что скажи, пусть он не мешкая идет сюда. А вы, — обратился он к обоим Берто, — ждите меня здесь, я только пальто накину.

Орсивальский мировой судья, которого все звали папашей Планта, некогда был преуспевающим стряпчим в Мелёне. В возрасте пятидесяти лет он в один месяц потерял жену, которую боготворил, и двоих очаровательных сыновей: одному было восемнадцать, другому двадцать два.

Эти последовавшие друг за другом утраты сразили его, разучившегося за тридцать лет благоденствия противостоять несчастьям. Долгое время опасались за его рассудок. Папашу Планта выводил из себя один вид клиента, пришедшего отвлекать его от безутешного горя дурацкими рассказами о своих делах. Поэтому никто не удивился, когда он за полцены продал свою адвокатскую контору. Он решил предаваться отчаянию в уединении, чтобы никто не мог ему в этом помешать.

Однако скорбь со временем притупилась, и на смену ей пришла тоска от безделья. В Орсивале оказалась вакантной должность мирового судьи, папаша Планта похлопотал и получил ее.

Став мировым судьей, он скучал уже меньше. Этот человек, считавший, что жизнь его кончилась, вдруг начал интересоваться делами, с которыми обращались к нему как к судье. Он использовал все силы и средства незаурядного, проныцательного ума, чтобы выделить крупинцы правды из тех нагромождений лжи, какие ему приходилось выслушивать.

Несмотря на увещания г-на Куртуа, папаша Планта предпочитал замкнутый образ жизни, утверждая, что любое общество его утомляет, а несчастный человек всем в тягость. Свободное время, остающееся от судейских обязанностей, он посвящал своей несравненной коллекции петуний.

Несчастье, изменяющее характер человека либо в лучшую, либо в худшую сторону, превратило папашу Планта, по крайней мере внешне, в чудовищного эгоиста. Он заявлял, что жизнь интересует его не больше, чем пресыщенного театрального критика — игра на сцене. И еще он любил демонстрировать глубочайшее равнодушие ко всему, приговаривая, что если на Париж вдруг прольется огненный дождь, это не заставит его даже глянуть в сторону столицы. Взволновать, растрогать его казалось невыносимым. «Какое мне дело?» — были обычные его слова.

Таков был человек, который через четверть часа после ухода Батиста явился к мэру Орсиваля.

Г-н Планта высок, худ, нервен. В его физиономии нет ничего примечательного. У него коротко стриженные волосы, беспокойный взгляд — все время кажется, будто он что-то высматривает, — длинный и острый нос. После перенесенных страданий его некогда изящно очерченные губы искривились, верхняя как-то одрябла, и это придает ему обманчиво простоватый вид.

— Мне сказали, — начал он прямо с порога, — что госпожа де Треморель убита.

— По крайней мере, так утверждают эти люди, — отвечал мэр, только что вернувшийся в прихожую.

Но теперь это был совершенно другой человек. У г-на Куртуа было время прийти в себя. И сейчас он пытался придать своему лицу выражение холодного величия. Он был крайне недоволен собой за то, что столь недостойно выказал перед Берто тревогу и скорбь.

«Человека моего положения ничто не может взволновать», — сказал он себе.

И г-н Куртуа, хоть и был возбужден до крайности, пытался выглядеть спокойным, невозмутимым, бесстрастным.

У папашы Планта это получалось куда натуральней.

— Случай крайне прискорбный, если только это правда, — промолвил он, стараясь придать своему голосу полнейшее безразличие, — но нам-то, в сущности, что до этого. При всем при том следует незамедлительно пойти взглянуть, в чем там дело. Я послал оповестить бригадира жандармов, и он вскоре присоединится к нам.

— Идемте, — сказал г-н Куртуа. — Шарф у меня в кармане.

Шествие возглавляли оба Берто; Филипп был охвачен нетерпением и все прибавлял шаг, у старика Подшофе вид был мрачный и озабоченный. Г-н Куртуа всю дорогу не закрывал рта.

— Подумать только, — бормотал он, — убийство у меня в коммуне, где никогда не было ни единого преступления!

И мэр окинул подозрительным взглядом отца и сына Берто.

Дорогу к дому г-на Тремореля нельзя назвать живописной: с обеих сторон она зажата высокими, футов в десять высотой, оградами. С одной стороны находится парк маркизы де Ланаколь, с другой — обширный сад монастыря св. Жуана.

Предварительная беготня заняла довольно много времени, так что было уже около восьми, когда мэр, мировой судья и оба их проводника подошли к воротам поместья г-на де Тремореля.

Мэр позвонил.

Колокольчик был звонкий, дом отделяло от ворот не более шести метров посыпанного песком двора, однако из дома никто не вышел. Мэр позвонил громче, потом еще громче, потом изо всех сил, но, увы, тщетно.

У калитки замка г-жи де Ланаколь, расположенной прямо напротив, стоял конюх и начищал мундштук уздечки.

— Зря, господа, звоните, — заметил он. — В замке никого нет.

— Как никого? — изумился мэр.

— Ну, никого, кроме хозяев, — пояснил конюх. — Вчера вся прислуга на поезде в восемь пятнадцать вечера уехала в Париж на свадьбу мадам Дени, бывшей здешней кухарки. Они вернутся сегодня с первым утренним поездом. Я тоже получил приглашение...

— Боже! — вскричал г-н Куртуа. — Значит, граф и графиня оставались этой ночью одни?

— Да.

— Какой ужас!

Папашу Планта эта беседа, похоже, начала раздражать.

— Мы не можем, — заявил он, — бессмысленно торчать тут. Жандармов до сих пор нет, так что давайте пошлем за слесарем.

Филипп уже собрался сбежать за ним, как вдруг на дороге послышались пение и смех. И почти сразу же появились три женщины и двое мужчин.

— А вот и они! — возвестил конюх, явно заинтригованный столь ранним визитом. — У них должен быть ключ.

Слуги, заметив людей у калитки, примолкли и ускорили шаг. Камердинер графа даже припустил рысцой, опередив остальных.

— Вы хотите поговорить с господином графом? — осведомился он, предварительно поздоровавшись с мэром и мировым судьей.

— Мы уже раз пять звонили изо всех сил, — сообщил мэр.

— Странно! — удивился камердинер. — У господина графа очень чуткий сон. Видимо, он вышел.

— Господи! — воскликнул Филипп. — Оба убиты!

Это восклицание несколько отрезвило слуг, чья веселость свидетельствовала о том, что за здоровье новобрачных было провозглашено немало тостов.

Г-н Куртуа, похоже, крайне внимательно следил за реакцией старика Берто.

— Убиты, — пробормотал камердинер. — Это из-за денег. Кто-то, видать, пронюхал...

— Что, что? — всполошился мэр.

— Вчера утром господин граф получил очень крупную сумму.

— Ага, очень! — вступила горничная. — Вот такую пачку банковских билетов. Мадам даже сказала хозяину, что из-за этой кучи денег она всю ночь не сомкнет глаз.

Воцарилось молчание, все испуганно переглядывались. Г-н Куртуа задумался.

— В котором часу вы вчера ушли? — спросил он у слуг.

— В восемь. Вчера даже ужин подали раньше.

— Ушли все вместе?

— Да, сударь.

— И не разлучались?

— Ни на одну минуту.

— И вернулись все вместе?

Слуги обменялись какими-то странными взглядами.

— Вместе, — ответила горничная, видимо, отличавшаяся длинным языком. — То есть нет. Когда мы вышли на Лионском вокзале, Гепен отстал.

— Вот как?

— Да, сударь. Он сказал, что сходит по своим делам и встретится с нами в Батиньоле у Веплера, где праздновалась свадьба.

Мэр сильно толкнул локтем мирового судью, как бы призывая того быть начеку, и продолжил вопрос:

— А потом вы видели этого Гепена?

— Нет, сударь. Я даже несколько раз за ночь интересовалась, не пришел ли он, потому что его отсутствие показалось мне подозрительным.

Горничная, очевидно, намеревалась продемонстрировать свою сверхъестественную проницательность; еще немного, и она заявила бы, что у нее были дурные предчувствия.

— Этот Гепен давно здесь служит? — прервал ее мэр.

— С весны.

— Чем он занимается?

— Его прислали из «Прилежного садовника», он ухаживал за редкими цветами в оранжерее мадам.

— А... про деньги он знал?

— Да! Да! — хором ответили слуги. — В людской о них было много разговоров.

— А Гепен, — ворвалась в разговор словоохотливая горничная, — прямо так и сказал мне: «Подумать только, у графа в секретере такие деньжищи, что нам всем хватило бы их до конца жизни».

— А что он за человек?

От этого вопроса языки у слуг словно присохли к нёбу. Все молчали, прекрасно понимая, что любое слово может послужить основанием для чудовищного обвинения.

Однако конюх из дома напротив, явно горевший желанием принять участие в разговоре, подобных опасений не испытывал.

— Гепен — отличный парень, а уж жизнь повидал... Господи, каких только историй от него не услышишь! Чего он только не испытал! Раньше вроде был богат, и если бы пожелал... Работа у него в руках горит, а уж гульнуть или там погонять шары на бильярде — другого такого не сыскать...

Невнимательно, вполуха слушая эти показания, а верней сказать — болтовню, папаша Планта сосредоточенно рассматривал ограду и калитку. Вдруг он повернулся и, к великому возмущению мэра, прервал конюха:

— Ну, хватит. Прежде чем продолжать допрос, неплохо бы посмотреть, что за преступление совершено, и совершенно ли оно. Пока мы не имеем никаких доказательств этого. У кого из вас есть ключи?

Ключи были у камердинера, он открыл калитку, и все вошли во двор. Как раз появились и жандармы. Мэр велел бригадире следовать за ним, а двоих поставил у ворот, приказав никого не впускать и не выпускать без его разрешения.

Только после этого камердинер отворил дверь дома.

||

Если даже в доме графа де Тремореля и не было совершенно преступления, то явно случилось нечто из ряда вон выходящее; невозмутимый мировой судья понял это, едва переступив порог.

Стеклопанельная дверь в сад распахнута настежь, три стекла в ней разбиты.

Клеенчатая дорожка, соединяющая все двери, сорвана, кое-где на белых мраморных плитах запеклись капли крови. Самое большое пятно виднелось у лестницы, а на нижней ступеньке была какая-то омерзительная грязь.

Почтенный г-н Куртуа, не созданный для подобных зрелищ и миссии, какую ему предстояло исполнить, едва не упал в обморок. По счастью, чувство собственной значительности и важности придало ему энергию, в общем-то несвойственную его натуре. Чем трудней представлялось

г-ну мэру расследование этого дела, тем сильней хотелось ему довести его до конца.

— Проводите нас к тому месту, где вы обнаружили труп, — приказал он Берто.

— Мне кажется, — вмешался папаша Планта, — что разумней и логичней было бы начать с осмотра дома.

— Пожалуй, да... Действительно, я и сам так подумал, — ухватился за этот совет г-н Куртуа, как утопающий хватается за соломинку.

Он велел оставаться на месте всем, кроме бригадира и камердинера, прихваченного в качестве проводника по дому.

— Жандармы! — крикнул напоследок г-н Куртуа стражам, стоящим у ворот. — Следите, чтобы никто не вышел отсюда, никого не впускайте в дом, а главное, в сад!

После этого поднялись наверх.

Вся лестница была в кровавых пятнах. Кровь была даже на перилах, и г-н Куртуа вдруг с ужасом обнаружил ее у себя на руке.

На площадке второго этажа мэр спросил камердинера:

— Скажите, мой друг, у ваших хозяев общая спальня?

— Да, сударь.

— А где она расположена?

— Здесь, сударь, — ответил камердинер и в страхе попятился, тыча пальцем в кровавый отпечаток ладони на верхней филенке двери.

На лбу у бедняги мэра выступили капли пота, он тоже испытывал ужас и едва держался на ногах. Увы, порою власть налагает на ее носителей тяжкое бремя. Бригадир, старый солдат, проделавший Крымскую кампанию*, стоял в полной растерянности.

Один лишь папаша Планта был спокоен, словно у себя в саду, и хладнокровно поглядывал на остальных.

— Все-таки надо решиться, — вздохнул он и толкнул дверь.

* Центральный эпизод Крымской (Восточной) войны (1853–1856) между Россией с одной стороны и Великобританией, Францией, Турцией и Сардинским королевством — с другой. Кампания в Крыму длилась с сентября 1854 г. по начало 1856 г.

В комнате, куда они вошли, ничего необычного не оказалось. Это был будуар — голубой атлас на стенах, диван и четыре кресла с одинаковой обивкой. Одно из кресел, опрокинутое, лежало на полу.

Следующей была спальня.

Она подверглась ужасающему разгрому, от которого мороз продирает по коже. Любой предмет мебелировки, любая безделушка свидетельствовали о жестокой, отчаянной, беспощадной борьбе между убийцами и жертвами.

Посреди комнаты — перевернутый лаковый столик, вокруг — куски сахара, позолоченные чайные ложки, осколки фарфора.

— Ах! Хозяйка пила чай, когда ворвались злодеи, — воскликнул камердинер.

С каминной полки все сброшено. Часы, упав на пол, остановились на двадцати минутах четвертого. Рядом валялись лампы, их стекла разбились, масло вытекло.

Кровать накрывал сорванный полог. Видимо, кто-то в отчаянии цеплялся за него. Вся мебель перевернута. Обивка кресел вспорота ножом, из некоторых вылез конский волос. Секретер взломан, расколота крышка висит на петлях, ящики открыты и пусты. Зеркало платяного шкапа разбито вдребезги, прелестный комод работы Буля и столик для рукоделия тоже разломаны, туалет опрокинут.

И все — ковер, обои, мебель, гардины, а главное, полог — в крови.

Очевидно, граф и графиня де Трёморель долго и отважно защищали свою жизнь.

— Несчастные, — прошептал г-н Куртуа, — несчастные! Здесь они нашли смерть.

И при воспоминании о своей дружбе с графом он вдруг забыл, что нужно изображать значительность, забыл про маску бесстрастности и разрыдался.

Всем присутствующим было не по себе. Тем не менее мировой судья все тщательно осматривал, записывал что-то в книжечку, заглядывал в каждый угол, а закончив, бросил:

— Теперь пошли дальше.

В остальных комнатах был такой же разгром. Создавалось впечатление, будто в доме провела ночь либо компания буйнопомешанных, либо шайка озверевших негодяев.

В особенности пострадал кабинет графа. Убийцы даже не дали себе труда взламывать замки, они просто рубили мебель топором. Причем они были уверены, что их никто не услышит: чтобы разнести в щепы массивное дубовое бюро, пришлось, видимо, рубить изо всей силы. На полу кучей валялись книги, выброшенные из книжного шкафа.

Преступники не пощадили ни гостиную, ни курительную. Диваны и стулья тут были испорчены, словно в них что-то искали. Обе комнаты для гостей тоже перевернуты вверх дном.

На третьем этаже в первой же комнате рядом с уже атакованным, но еще не взломанным шкафчиком лежал топор, и камердинер опознал его.

— Ну, теперь ясно, — обратился мэр к папаше Планта. — Убийц было несколько. Расправившись с графом и графиней, они разбрелись по дому в поисках денег, о которых знали. Один из них взламывал шкафчик, но в это время другие нашли внизу спрятанные деньги. Его позвали, и он, решив, что искать больше нет смысла, бросил топор здесь.

— Я тоже так думаю, — согласился бригадир.

На первом этаже преступники ничего не тронули. Однако, покончив с жертвами и отыскав деньги, они решили подкрепиться. В столовой остались следы их пиршества. Они съели все остатки, оказавшиеся в буфете. На столе рядом с восемью пустыми бутылками из-под вина и ликеров выстроились пять стаканов.

— Их было пятеро, — сделал вывод мэр. Огромным усилием воли он принудил себя вновь принять холодно-невозмутимый вид. — Прежде чем пойти осмотреть трупы, я пошлю записку императорскому прокурору в Корбейль. Не позже чем через час к нам приедет следователь и завершит наш прискорбный труд.

Г-н Куртуа приказал одному из жандармов заложить коляску графа и во весь опор скакать в Корбейль.

После этого мэр и судья в сопровождении бригадира, камердинера и обоих Берто отправились к реке.

В «Тенистом доле» довольно большой парк, но он весь вытянут вдоль берега. От дома же до Сены не будет и двухсот шагов. Перед домом зеленеет прелестная лужайка, во-